

Валерия
Германика:

«Вера
для меня —
это возможность
НИКОГДА
НЕ УМИРАТЬ»»

Парсуна — так называется портрет в иконописном стиле, а также авторская программа Владимира Легойды на телеканале «Спас», в которой он говорит с человеком о самом главном. В этом номере «Фомы» — фрагменты «парсуны» Валерии Германики, режиссера фильмов «Все умрут, а я останусь», «Да и да», «Мысленный волк», телесериала «Школа», ведущей первого сезона программы «Вера в большом городе» на телеканале «Спас».

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ:

Первый вопрос ведущего «Парсуны»:

Легойда: У нас есть традиция в программе — я прошу гостя самого представиться. Ну в том смысле — что бы Вы считали важным о себе сказать вот в моменте?

Германика: Я — Лера, режиссер.

Фото Владимира Ештокина

Я не была атеисткой. У меня сложная история, я была фанаткой.

Жила фанатской жизнью, слушала музыку — Мэрилина Мэнсона, разные группы готические, блэк-металлические. Жила субкультурой, тусовалась с ребятами, такими же, как я. Ну, на кладбище мы ходили, сидели там, пили портвейн. То есть это была адекватная мне среда. Я не отрицала, я понимала, что Бог есть, но я с Ним... соперничала, что ли. Я сняла крестик с себя в какой-то момент. Мне лет пять было, может, меньше, когда меня дома крестили, а в 16 я сняла крестик.

Это был момент, когда ты в диалоге с Богом, но в каком-то странном. Когда ты обижен на Бога за то, что у тебя все плохо, и ты ругаешься, говоришь, что Бог плохой. Ну, все это есть в песнях, которые мы слушали. Я потом долго свою старшую дочь не крестила, хотела, чтобы, когда она вырастет, у нее был свой выбор. Но никогда я не говорила, что Бога нет.

Я всегда хотела жить вечно.

Я искала пути к этому. Я ходила в церковь. Но я жила в Строгино, а там сложно было так взять и зайти в церковь, там тебе никто навстречу не бежал, мол, заходи. Но я молилась, меня бабушка научила. Читала «Отче наш» перед сном, пока бабушка не умерла. Это когда я переехала в центр (у меня были уже дреды), первое место, куда я пришла, был Высоко-Петровский монастырь. И там сразу ко мне подошел монах и сказал: «Добро пожаловать!» Видимо, пришло время.

Когда умерла бабушка, мне стало так обидно, так одиноко.

У меня осталась только собака. Мне никто не рассказывал про религию. Мы, знаете, перестроечные дети, родители нами особо не занимались. Мы как трава росли. Не было такого, чтобы мне объясняли про ценности, чтобы меня готовили быть женой или матерью. Родители сами в этот момент только получили свободу и презервативы по шкафчикам прятали и видеокассеты — я помню «9 с половиной недель», — ведь однокомнатная квартира.

Но я сама чувствовала присутствие Бога. Хотя больше, конечно, присутствие дьявола — его я тоже не отрицала. Мы, молодежь субкультуры, и литературу читали определенную — Эдгара По, Бодлера. Эта литература воспевала темную сторону бытия. Мрак, упадничество — это все было и в песнях. Я грустила. Я не знала другой стороны жизни. Мы пили с 14 лет. Я сейчас не понимаю: как это — в 14 лет быть алкоголиком? А тогда это было нормально.

Человеку нужна гармония.

Вера для меня — это возможность жить вечно, никогда не умирать, спастись, быть счастливой, жить в гармонии, чтобы все у меня было классно. Гармония — это когда жизнь примиряется с драматургией. Понимаете, у меня душа находится в бытии, а мозг — в драматургии. И это не синхронизируется никак. Но я к этому стремлюсь.

Валерия Германика
с детьми в храме.
Фото [instagram.com/
germanicaislove_official](https://www.instagram.com/germanicaislove_official)

Первую половину своей жизни я все время хотела умереть.

Потому что мне категорически не нравилось все, что происходит. А вторую половину я, наоборот, хотела бы жить, но жить как-то по-другому, счастливо. Но у меня были моменты, когда я соприкоснулась с кошмаром умирания и поняла, что не так страшно умереть, как то, что будет потом. У меня интуиция очень сильно работает, я ее слушаю. И я поняла, что сейчас просто прямиком отправлюсь в ад. Я прямо почувствовала, что такое вечное небытие. И надо срочно что-то сделать для своей души, потому что уж очень она у меня страдает, расстраивается и печалится. Ну, и нашла ответ.

Я пыталась найти себе утешение в разном — в алкоголе, в собаках, в людях, в каких-то книгах.

Мне нравятся очень большие книги. «Война и мир» меня очень утешила, «Отверженные» и «Граф Монте-Кристо». Когда я читаю такие книги, я ухожу в этот мир. Я не очень люблю смотреть кино, потому что моя фантазия работает лучше. Но в этом нельзя оставаться все время. Раньше я все время слушала музыку, потом перестала. Очень нервы возбуждает. Практически вся, даже классическая. Я в какой-то момент вообще полюбила тишину. Ну не могу слушать музыку вообще — ни в машине, нигде.

Заставка программы
«Вера в большом городе»
на телеканале «Спас»

Я не всегда могу себя контролировать.

Это особенности моей психики, это нормально. Поэтому не хожу на всякие великосветские тусовки. Зато это быстро отсеивает от меня людей, которые не должны со мной рядом находиться, потому что ко мне очень многие прилипают. Ну а с друзьями я могу себя жестко не контролировать, могу говорить то, что думаю, и быть собой. Это хорошо. Тяжело, конечно, что у меня ум, душа, сердце — все в разладе. Маугли сложно становится человеком.

Один раз я отмечала день рождения в храме и позвала друзей.

Звонит подруга: «Как?! День рождения в храме?! Это же кошунство!» А потом говорит: «Мне не в чем идти, у меня юбки нет». Она плакала, когда пришла. Ее сразу батюшки в оборот взяли. И таких людей много, мне кажется. И насколько мы друг для друга не открыты, настолько и Церковь для нас не открыта. Мне кажется, это закономерно.

Мне психологи говорят, что я не простила многих вещей.

А мой духовный отец как-то спросил, легко ли я прощаю. И я сказала: «Мне кажется, нет. Я никого не прощаю». Он говорит: «Ну а если к тебе этот человек придет и попросит тебя сделать что-то очень жизненно важное для него, ты сделаешь?» Я говорю: «Конечно». А он: «Ну вот, значит, ты простила».

Валерия Германика с дочкой Октавией дежурят на акции службы помощи «Милосердие» «Дари радость на Рождество», 2018 г.
Foto miloserdie.ru

Валерия Германика проздравляет Патриарха Кирилла с годовщиной интронизации. 1 февраля 2020 г.

Фото пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси

Германика: Я реально как ребенок верю. Если я съем случайно йогурт в среду, мне кажется, что я сквозь пол провалюсь.

Легойда: То есть вы считаете, когда Христос говорил «Будьте как дети», Он это про «йогурт в среду», что ли? Вы серьезно так думаете, Лера?

Германика: Я не думаю, я так живу. Мне одинаково страшно убить человека и съесть йогурт в среду. Я не знаю, что с этим делать, извините.

Мне и просить прощения было тяжело. Но я начала учиться. У меня это в связи с моим детством. Мне все время в детстве говорили: «Проси прощения, проси прощения, проси прощения». Я вот детям запрещаю друг другу это говорить и взрослым людям в моем доме запрещаю говорить это детям. Прощение должно идти от тебя. Если ты хочешь попросить прощения прямо вот всей душой, ты попросишь. А то меня это на долгое время остановило, я прямо застолбенела на этом. Потому что, когда меня заставляли просить прощения и я это делала, мне казалось, что меня унижают морально.

Со временем я уже в храме начала учиться просить прощения. Сначала у Бога — у Него же проще просить прощения, чем у ближнего. Потом начала задумываться: почему я могу попросить прощения у Бога 1500 раз, а у них не могу? Ну и начала — так постепенно, постепенно. А потом мне так понравилось, что мне сказали: «Лера, прекрати просить прощения 15 раз за день».

Я могу обидеть человека, могу манипулировать, вообще могу убить человека словом — мне об этом часто говорили.

Меня моя профессия научила. Когда ты видишь слабые стороны человека, ты легко можешь обидеть. Слава Богу, в моей жизни этого стало меньше. Меня обидеть сложнее, потому что я вообще пофигист, могу закрыться в танке: мою личную жизнь вон вся страна полоскала в прессе. Кто еще после этого может меня обидеть?

Покаяние для меня — это когда я смотрю на себя и говорю: нет, это не я, этого не могло быть, это какой-то другой человек был.

То есть идет изменение сознания. Я стараюсь к себе критично относиться, адекватно. Ну, как к остальным. Сверяюсь со своим духовным отцом. Спрашиваю: «Я правильно это поняла? Я правильно чувствую или так не должно быть?» И он меня корректирует, потому что я себе не доверяю. Я вообще себя не знаю, не понимаю. Но покаяние от самобичевания отличить точно могу.

Я вот чувствую, что сейчас стала больше дистанцироваться. Я раньше очень была близка к людям и все воспринимала сердцем. Сейчас немножко дистанцируюсь, и это помогает мне больше любить людей и понимать их. Чувствовать их боль. Как бы посмотреть на мир глазами другого человека. То есть понять что-то про других и про себя. Видимо, потому что большое видится на расстоянии. Я не могу жить в этой сцепке, потому что иногда люди что-нибудь скажут, я верю, а они потом за свои слова не отвечают.

Мне кажется, я вообще воспринимаю все как ребенок. Мне моя дочь говорит: «Мама, ты ведешь себя так, как будто тебе 12 лет». И серьезно так говорит, я прям вижу, что она знает, о чем говорит. Поэтому меня так легко ввести в заблуждение.

Я фанат своего творчества.

Я вынуждена смотреть свои фильмы, потому что я их делаю. И они мне нравятся. Но мне тяжело смотреть кино, потому что я люблю именно процесс делания. Я люблю сочинять

мечты. Люблю душить людям голову. Люблю создавать этот волшебный мир. То есть я — сказочник в прямом смысле этого слова, потому что я занимаюсь художественным кино, а это самое лучшее, что может быть в плане реализации своих фантазий. Я сейчас хочу создавать формы, мне вот это интересно. Прямо искусство-искусство. То есть до сих пор я занималась таким соцреализмом — это на самом деле очень модное направление, всегда и даже сейчас. А теперь мне больше хочется рассказать про какие-то внутренние отношения. Я вот сейчас делаю фильм «Мысленный волк» (разговор с Валерией состоялся еще во время работы над «Мысленным волком». Фильм вышел на экраны осенью прошлого года. — *Ред.*) О волке, который, по Иоанну Златоусту, улавливает человека.

Я долгое время исследовала человека, который находится в крайнем своем состоянии, на грани чего-то.

Я пыталась докопаться до глубины человеческого одиночества, до глубины горя подростка, до глубины любви, пусть даже неправильной. Если я через свои фильмы решаю свои проблемы, мне это очень помогает, потому что это мой обмен энергией с миром. Я, конечно, прочла все, что написал Достоевский. Все классно. Но мне грустно от этого, я плачу.

Мой любимый апостол — Павел. Вот с ним я сверяюсь. Он поближе к современному человеку — в плане своей жизни и в плане доступности. Мне он очень близок. Он мне помогает. ♣

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ:

Последний вопрос ведущего «Парсуны»:

Легойда: Был такой режиссер Джорджо Стрелер, у него есть знаменитое письмо молодому режиссеру. «Вот я, сделавший столько ошибок, говорю, что даже самую ничтожную гусеницу нельзя раздавить ради самого бессмертного стиха». Где Вы поставите запятую в фразе: «Раздавить нельзя жалеть?»

Германика: «Раздавить нельзя, жалеть». Я очень люблю гусениц. И собак.

Фото Владимира Ештокина

Смотрите полный выпуск «Парсуны» с участием Валерии Германики по этой ссылке: